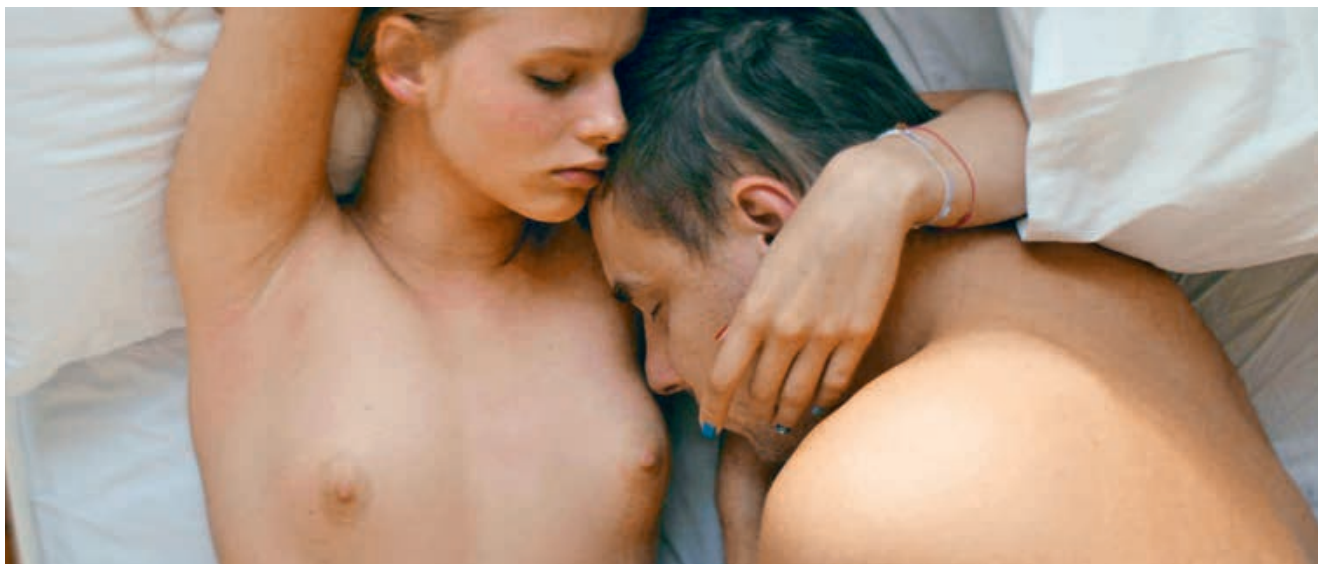

БЫВАЕТ ОЧЕНЬ РЕДКО,
когда проект попадает на волну
всеобщего счастья. Нам повезло

— Какой бюджет у «Рго любовь»?

— Это мой самый экономный фильм. Бюджет — 50 миллионов. Когда я кому-то рассказываю, люди удивляются, как можно снять такое кино с таким количеством звезд и объектов так дешево.

— А смотрится дорого. Вы так здорово умеете считать?

— Такая данность. Либо ты снимешь за эти деньги, либо не снимешь. По-хорошему, такой фильм должен сниматься дней сорок. Но у нас не было денег, мы поджались и уложились в 25. Все это время мы практически не спали. Заканчивали утром смену, ночные актеры уходили домой спать, тут же подъезжала свежая партия, и мы продолжали.

— Допинг?

— Любовь. У нас была молодая команда. У всех горел глаз. Помню, едем мы с оператором на съемку, и он говорит: «Какое это классное чувство, когда тебе хочется на работу».

— Разве для людей творческих профес- сий это не обычное состояние?

— У меня чаще всего так. Но люди работают и зарабатывают в разных киногоруппах. И там не так. Так бывает очень редко, когда проект попадает на волну всеобщего счастья. Этого очень не хватает. Люди ведь не только про подхалтурить.

— Вам что, удалось собрать команду идеалистов?

— Нет, правда, бывают ситуации, когда слово «деньги» уходит на второй план. Я сейчас готовлюсь снимать короткометражный благотворительный фильм. Создала под него закрытую группу в Facebook. Откликнулись все — операторы, продюсеры, художники, звукорежиссеры, музыканты — лучшие люди в этой стране пишут: «Можно, мы поучаствуем?» Люди чувствуют, что затевается что-то интересное, и хотят быть частью этого интересного. Готовы бросить ради этого все свои дела. Причем совершенно бесплатно. У меня все внутри разрывается от такого отношения.

— Это приятно — быть эпицентром большого творческого проекта?

— Это страшно. В какой-то момент все вокруг превращается в гигантскую, не контролируемую тобой машину. Куча специалистов — серьезных парней, взрослых женщин — ищут какие-то предметы. На площадке караваны, люди все с рациями, все знают свое дело. И только ты сидишь и думаешь: «Господи, что я-то тут делаю?» Ведь, по сути, они экранизируют твои фантазии. И еще очень страшно подвести всех этих людей. Наверное, это худшее, что может случиться, — когда артисты, которые у тебя снимались, выходя из зала после премьеры, опускают глаза. Пока такого, к счастью, не было. Для меня это смерти подобно.

— Снимаете без права на ошибку?

— Провал сразу виден кинокритикам. А когда ты внутри процесса, когда этот ребенок только родился, вряд ли ты можешь сразу понять, хорошо это или плохо. Так получилось, что я все свои фильмы показывала в первый раз на «Кинотавре». И каждый раз это кошмар. Накануне мы чуть ли не в ночь заканчиваем, я беру коробочку с фильмом и сажусь в самолет. И вот я стою в зале и слушаю реакцию публики. Честное слово, сама я в этот момент ничего не понимаю и готова к полному провалу. Готова сказать себе: нуда, сняла говно.

— И что дальше? Признать себя профнепригодной?

— Почему? Плохой фильм — это тоже часть пути. Раз случилось, значит, зачем-то это было нужно.

— В ваших фильмах есть что-то, чтобы можно было сразу сказать: вот фильм Анны Меликян?

— Мое кино неразрывно связано со мной. То есть сама история может быть придуманная, но она окрашена какой-то эмоцией, в которой я живу в данный период времени. Мое кино — это моя жизнь, и как она пойдет дальше, я не знаю — буду ли я петь и танцевать или буду грустить.

Беседовала Юлия Сонина

